

УДК 821(47)-4

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-77-90

Военная публицистика В.С. Гроссмана второй половины 1944 г.

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье изучаются и комментируются военные очерки, написанные советским прозаиком и фронтовым корреспондентом В.С. Гроссманом во второй половине 1944 г., во время наступления Красной Армии. Очерки цитируются по газетным и журнальным изданиям.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, советская пресса, «Красная звезда», «Знамя», «Требинский ад»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Военная публицистика В.С. Гроссмана второй половины 1944 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 77–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-77-90

V.S. Grossman's military journalism of the second half of 1944

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration; Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. The article studies and comments some of military essays written by a famous Soviet novelist and war correspondent V.S. Grossman in the second half of 1944, during a Red Army offensive. The texts are cited from newspapers and journals of that era.

Keywords: V. Grossman, political essays, Soviet literature, Soviet press, “Red Star” newspaper, “Banner” journal, “Hell of Treblinka”

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2022), “V.S. Grossman's military journalism of the second half of 1944”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 77–90, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-77-90

© Бит-Юнан Ю.Г., 2023

Литературная репутация В.С. Гроссмана многоаспектна. Его невозможно охарактеризовать исключительно как романиста или автора очерков, писателя советского или же внесоветского, связанного с советским или еврейским культурно-политическим контекстом. Даже при определенном упрощении у Гроссмана – не менее двух писательских амплуа. В современном литературоведении он представлен либо как автор признанных антисоветскими романа «Жизнь и судьба» и повести «Все течет...», либо как писатель, освещавший события Второй мировой войны, и фронтовой корреспондент сначала «Известий», а затем – «Красной звезды».

Следует отметить, что изучение его военной публицистики началось еще при его жизни (см., напр.: [Михайлов 1960]). Через шесть лет после его смерти, в 1970 г., вышла первая монография о его жизни и творчестве – «Василий Гроссман. Критико-библиографический очерк», выполненная специалистом по военной литературе А.Г. Бочаровым. Анализ фронтовых публикаций Гроссмана отводилось две главы [Бочаров 1970, с. 100–177]. Во время перестройки, когда в СССР были впервые опубликованы «Жизнь и судьба», «Все течет...» и некоторые другие гроссмановские произведения, Бочаров вернулся к исследованию его творчества. В 1990 г. вышла существенно расширенная редакция монографии – «Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба». Главы о военной очеркистике Гроссмана, до сих пор не утратившие актуальности, занимают в ней центральное место [Бочаров 1990, с. 104–193]. Годом ранее Бочаров опубликовал, пусть и не без купюр, военные дневники Гроссмана¹, а также дал к ним краткий комментарий [Бочаров 1989, с. 457–460].

Глава о фронтовом корреспонденте Гроссмане содержится в монографии Н.Г. Елиной 1994 г. «Василий Гроссман» [Елина 1994, с. 50–82]. Впрочем, ее описание малоинтересно и малоинформативно – особенно в сравнении с анализом Бочарова. Рецепция военных очерков Гроссмана в советской периодике была проанализирована Д.О. Клинг, защитившей в 2008 г. кандидатскую диссертацию по теме «Творчество В. Гроссмана 1940–1960-х гг. в оценке отечественной и русской зарубежной критики». В 2012 г. вышла монография «Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики», основанная на этой диссертации [Клинг 2012, с. 15–35].

Следует также отметить кандидатскую диссертацию С.В. Бирючина «Художественная функция документа в диалогии В.С. Гроссмана “Жизнь и судьба”». Он не только проследил, как дневниковые

¹ См.: *Гроссман В.С. Записные книжки // Гроссман В.С. Годы войны: [Очерки, рассказы]. М.: Правда, 1989. С. 244–457.*

записи преобразуются в художественный текст, но и сопоставил содержание опубликованных в прессе статей с тем, что отражено в гроссмановских дневниках [Бирючин 2016].

Исследовали Гроссмана и за границей. Так, на предмет анти-советской ереси его военную публицистику анализировал британский ученый Ф. Эллис, автор монографии 1994 г. «Василий Гроссман, Генезис и эволюция русского еретика» (“Vasiliy Grossman. The Genesis and Evolution of a Russian Heretic”). Впрочем, никаких отступлений от советской ортодоксии он не усматривает, что вполне закономерно [Ellis 1994, p. 41–71]. Глава о работе Гроссмана в качестве военного журналиста есть в научной биографии «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (“The Bones of Berdichev. Life and Fate of Vasiliy Grossman”), написанной американскими исследователями Д. и К. Гаррард. Они цитируют некоторые публикации Гроссмана, однако основное внимание уделяют описанию того, как должна была выглядеть война для Гроссмана и его современников – писателей и не только [Garrard C., Garrard J. 1996, p. 135–194]. На комментировании текстов военного периода и пояснении исторических реалий сосредоточилась и канадская славистка А. Попова, автор одной из позднейших научных биографий Гроссмана – «Василий Гроссман и советский век» (“Vasily Grossman and the Soviet Century”) [Popoff 2019, p. 105–183].

Военная публицистика Гроссмана обсуждалась на трех международных конференциях. Как правило, предмет обсуждения – соответствие идеологическим предписаниям военного периода, репрезентация мировоззрения Гроссмана, близость журналистских текстов к художественным текстам о войне (см., напр.: [Garrard 2007; Zgustova 2011; Щелокова 2016]).

Примечательно, что с военной темой ассоциируется имя Гроссмана у швейцарского исследователя М. Анисимов, автора биографии «Василий Гроссман: писатель войны» (“Vassili Grossman: un écrivain de combat”). Хотя название ее монографии предполагает дополнительное прочтение: «писатель борьбы», то есть писатель, боровшийся с обстоятельствами ради достижения своей цели [Anissimov 2012].

Отдельно следует отметить работу британского исследователя Второй мировой войны Э. Бивора – «Писатель на войне» (“Writer at War”). Опираясь на опубликованные Бочаровым дневники Гроссмана и неоднократно изданные гроссмановские очерки, он восстанавливает путь Гроссмана на войне, поясняет, почему маршрут был именно таким, рассказывает иностранному читателю, что представляла собой Красная Армия тех лет и т. п. [Beevor 2006].

Таким образом, тема кажется тщательно исследованной. И все же некоторые очерки Гроссмана были введены в научный оборот и внесены в библиографию автора лишь недавно [Бит-Юнан 2019; Бит-Юнан 2021]. Некоторые, включенные в составленный еще при жизни Гроссмана, в 1945 г., сборник военных очерков «Годы войны», до сих пор не прокомментированы². Задача данной статьи – проанализировать в биографическом и литературно-политическом контексте фронтовые публикации Гроссмана второй половины 1944 г.

* * *

Летом 1944 г. советские войска наступали. Был освобожден Бердичев, где родился Гроссман. Вошел он туда вместе с армией. Город был почти полностью разрушен, еврейское население – уничтожено. Погибли все родственники и знакомые Гроссмана, не успевшие уехать или не призванные на службу.

Такой же была ситуация по всей Украине. Гроссман пытался опубликовать статьи о геноциде, но, как правило, безуспешно. «Еврейская тема» не считалась запретной, и все же, по негласному указанию Сталина, минимизировалась (см., напр.: [Кермиш 1991]).

В области литературы цензурные ограничения были не столь жесткими. Опять же, у Гроссмана был особый статус. Так, намек на преследование евреев появляется в его военной публицистике достаточно рано – в августе 1942 г. Лёня Богарев, сын комиссара Богарева из напечатанной «Красной звездой», а затем «Знаменем» повести «Народ бессмертен», вспоминает, как отец учил его играть в шахматы. Но вскоре на смену этому образу приходит другой – мальчик задумывается «о пожаре, об убитой девочке, которую они видели в поле, о виселице на площади в еврейском местечке, о гудении самолетов»³. А в июльско-августовском номере «Знамени» за 1943 г. был помещен рассказ «Старый учитель», где говорится об уничтожении еврейского населения одного из оккупированных городов⁴. Но подобного рода публикации – редкость. Гроссман не располагал возможностями для споров с цензорами, а на так называемую работу в стол времени не оставалось.

В то же время гроссмановская публицистика далеко не всегда была труднопроходимой с точки зрения цензуры. Если в 1941 г. он был свидетелем отступления Красной Армии, то теперь, в 1944 г.,

² См.: Гроссман В.С. Годы войны: Очерки и рассказы. М.: Художественная литература, 1945; *Он же*. Годы войны: [очерки, рассказы]. М.: Правда, 1989.

³ Гроссман В.С. Народ бессмертен // Знамя. 1942. № 8. С. 75.

⁴ См.: Гроссман В.С. Старый учитель // Знамя. 1943. № 7–8. С. 95–111.

шел по Украине и Белоруссии вместе с наступающими войсками. И, судя по письмам к отцу, это лишь отчасти напоминало ему события трехлетней давности⁵. Тогда победа казалась очень далекой, а теперь она совсем близка. Поэтому изменились и публицистические установки гроссмановских репортажей. С другой же стороны, поддержание оптимистического настроения в прессе не только приветствовалось, но и предписывалось. Рассуждения о тяготах фронтового быта и нацистских преступлениях надлежало минимизировать (см., напр.: [Бабиченко 1994, с. 72–110; Фрезинский 2008, с. 506–543]).

В этом отношении характерен очерк «Белорусские встречи», опубликованный «Красной звездой» пятого июля 1944 г.⁶ Он упоминается в каждой работе о военной публицистике Гроссмана, правда, под другим заглавием – «Добро сильнее зла». Оно было дано в ходе подготовки расширенной редакции для сборника «Годы войны»⁷. Сокращения, вероятно, понадобились для газетной публикации, где объем материала в принципе всегда ограничен.

Гроссман, по своему обыкновению, интересуется не столько боями как таковыми, сколько воюющими солдатами и офицерами, их бытом, фронтовой повседневностью. В сфере интереса, что тоже примечательно, жители освобожденных территорий.

Повествователь в этом очерке выступает как действующее лицо. Он рассказывает о личных впечатлениях. Главная для него тема – «драгоценное чудо человеческой души». Об этом сказано открыто: «Но вот удивительное, странное дело – станешь писать корреспонденцию, и все это почему-то не помещается на бумаге. Пишешь о танковом корпусе, о тяжелой артиллерии, о прорыве обороны, а тут вдруг старуха с солдатом разговаривает, или жеребенок-сосунок, пошатываясь, стоит на пустынном поле, возле тела убитой матки, либо в горящей деревне пчелы роятся на ветке молодой яблони, и босой старик-белорус вылезает из окопчика, где хоронился от снарядов, снимает рой, и бойцы смотрят на него, и, боже мой, сколько прочтешь в их задумавшихся, печальных глазах».

Победа кажется близкой, но счет жертвам еще не закончен. Повествователь видит юношу, который роет яму. Первая мысль – трагическая: должно быть, хоронит родственника или друга:

⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68.

⁶ Далее цит.: *Гроссман В.С.* Белорусские встречи // *Красная звезда*. 1944. 13 июля.

⁷ См.: *Гроссман В.С.* Добро сильнее зла // *Гроссман В.С.* Годы войны. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1945. С. 390–398.

Сколько мы уже видели на пути белых свежих крестов, повязанных рушниками, не успевшими даже запылиться, сколько мы видели открытых могил, высоких, библейски строгих стариков с развевающимися бородами, несущих на руках гробы.

Но оказывается, что юноша не могилу роет. Когда пришли немцы, белорусский школьник закопал свои учебники и ушел в лес, к партизанам. Летом 1944 г. решил, что пора достать спрятанное сокровище.

Это решение, рассуждает Гроссман, – верный признак, что победа не за горами:

Разве не чудесный это символ – паренек, партизан, положивший на землю автомат, в пыли движущихся к Минску армий, бережно и хмуро, озабоченно и любовно листающий отсыревшие желтые страницы школьного учебника? Его зовут Антон. Пусть спешат к нему инженеры, писатели, профессора. Он ждет их.

Впрочем, внимание повествователя обращено не только на людей. Одна из вставных новелл посвящена верблюду по кличке Кузнечик. Он оказался в полку еще во времена обороны Сталинграда. Там поблизости степные районы, поэтому артиллеристам привели верблюдов как тягловых животных.

Уцелел, правда, лишь один из них. Зато стал любимцем полка. Солдаты шутят, что Кузнечик давно освоил азы военного дела и научился во время боя прятаться в воронках. И все же трижды был ранен, за что ему надо бы Сталинградскую медаль вручить.

Юмор, безусловно, грустный. К тому же, замечает Гроссман, верблюд потерял почти всю шерсть. Его жизнь – не легче, чем у батарейных лошадей, и неизвестно, доживет ли он до конца войны. Но пока Кузнечик бодро бежит в обозной упряжке мимо колонны пленных немцев, лишь иногда поворачивая «к ним свою некрасивую голову с брезгливо отвисшей губой».

Уместно подчеркнуть, что на освобожденных территориях уже распространялась тогда «Красная звезда». Многим белорусским читателям, пережившим оккупацию, сцена из гроссмановского очерка напоминала – по контрасту – трагическое лето 1941 г., когда Красная Армия отступила и немецкие войска шли мимо колонн советских пленных. Гроссман предвидел эти ассоциации, поэтому и подчеркивал, что к лету 1944 г. ситуация изменилась принципиально. Теперь Красная Армия наступает, пехота движется бесконечным потоком – и маршем, и в грузовиках – боевая техника едет вдоль колонн немецких пленных, и на чужаков, забывших торжество побед, словно с брезгливостью смотрит обозный верблюд Кузнечик.

Животные вообще особая тема в гроссмановском очерке. Так, примечательна сцена в госпитале: раненные наблюдают за медсестрой, которая играет с котятами. Солдаты-артиллеристы приручили зайца, он стал домашним животным. У одного из офицеров есть ручной голубь, другому удалось приручить лисицу, иногда она убегает в лес, но всегда возвращается к хозяину. Еще недавно эти люди видели только смерть, делится с читателем Гроссман, а теперь пристально смотрят на то, что напоминает о доме, женах и детях.

Следует, однако, отметить, что со временем печальная интонация при повествовании о животных окончательно заменит радостную. В середине 1950-х гг. Гроссман написал рассказ о берлинском зоопарке «Тиргартен»⁸. А в начале 1960-х гг. – рассказ о животных на войне – «Дорога»⁹. Оба произведения – о том, как именно и почему жертвой человеческой жестокости становятся не только другие люди, но и животные. И пусть выявить эти причины можно, оправдать их – нельзя.

Завершаются «Белорусские встречи» описанием допроса генерал-лейтенанта Адольфа Гамана (Гроссман почему-то понизил его до генерал-майора), коменданта Брянска, Орла и Бобруйска, имевшего репутацию палача. Теперь ему придется ответить за уничтожение мирных жителей на оккупированных территориях. Потому финал очерка звучит почти как заклинание:

И все, что мы видим, все, что на мгновение мелькает и исчезает из глаз, но навек останется в памяти, все говорит о том, что добро побеждает зло, что свет сильнее тьмы, что в правом деле человек попирает зверя.

Меж тем наступление продолжалось. Вместе с войсками 1-го Белорусского фронта Гроссман дошел до Польши и побывал в Треблинке, на том месте, где находился нацистский лагерь уничтожения евреев. Гроссману удалось поговорить с несколькими узниками, избежавшими смерти, а также с теми, кто был принужден работать на нацистов, – и даже с самими нацистами.

Так появился очерк «Треблинский ад», заверченный в сентябре 1944 г. У этого произведения особый статус. Это крупное документально-художественное сочинение с колоссальным публицистическим зарядом. Во время Нюрнбергского процесса оно использовалось как обвинительный документ против нацистов [Garrard, Garrard 1996, p. 212–213]. Внимание зарубежных иссле-

⁸ См.: Гроссман В. Тиргартен // Наш современник. 1966. № 7. С. 54–70.

⁹ См.: Гроссман В. Дорога // Новый мир. 1962. № 6. С. 96–101.

дователей этот очерк привлекал почти так же часто, как и более поздние, запрещенные советской цензурой сочинения Гроссмана.

Впервые «Треблинский ад» был опубликован журналом «Знамя» в ноябрьском номере за 1944 г.¹⁰ Вскоре он вышел отдельным изданием. Затем был неоднократно републикован и переведен на иностранные языки¹¹.

Правда, в СССР не обошлось без цензурных изъятий. Тему государственного антисемитизма цензоры минимизировали, даже если речь шла о нацистской Германии. Лишь в 1989 г. Бочаров, готовя к изданию сборник гроссмановской военной прозы, добился восстановления купюр сорокапятилетней давности¹².

Одно из важнейших качеств этого текста – его документальная точность, подробное описание последних минут жизни тех, кто обречен был погибнуть в газовой камере.

Первые страницы очерка, однако, отведены повествованию о трудовом лагере для пленных поляков – «Треблинка-1». Как и во многих других немецких «учреждениях», здесь царил порядок. Во всем были заметны немецкие пунктуальность и практичность:

Бережливость, аккуратность, расчетливость, педантичная чистота – все это неплохие черты, присущие многим немцам. Приложенные к сельскому хозяйству, к промышленности, они дают свои плоды. Гитлеризм приложил эти черты к преступлению против человечества, и рейхс-эсэс действовало в польском трудовом лагере так, словно речь шла о разведении цветной капусты или картофеля¹³.

Далее Гроссман описывает быт трудового лагеря. Территория разбита на секторы, в каждом секторе – собственный барак. Однако в суровом тюремном дизайне нашлось место для автозаправки, кафе для нацистов и некоторых элементов городского декора, вроде клумб, аллей и т. п. – тоже, конечно, для нацистов.

Гроссман рассказывает, за какие нарушения немецкого законода-

¹⁰ Далее цит.: *Гроссман В.С.* Треблинский ад // *Знамя*. 1944. № 11. С. 121–144.

¹¹ См., напр.: *Гроссман В.С.* Треблинский ад. М.: Воениздат, 1945; *Он же*. Треблинский ад. Магадан: Сов. Колыма, 1946; *Grossman V.* Pekel v Trębłinki / Prevel B. Borko; Il. in opremil Ivan Romih. Ljubljana: Slovenski knjižni zavod, 1946; *Grossman V.* Años de guerra (1941–1945). Moscú: Ed. en lenguas extranjerías, 1946.

¹² См.: *Гроссман В.С.* Треблинский ад // Гроссман В.С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 107–145.

¹³ Там же. С. 121–122.

тельства здесь оказывались поляки, сколько времени они проводили на обязательных работах. В то же время он пишет, что многие заключенные отсюда уже не возвращались. У надзирателей было жестокое хобби – оттачивать меткость стрельбы на безоружных рабочих.

Тем не менее «жившие в лагере № 1 хорошо знали, что есть нечто ужасней, во сто крат страшней, чем их лагерь»¹⁴. Речь о лагере смерти «Треблинка-2».

В той части очерка, которая отведена рассказу о «Треблинке-2», все строится на числовой информации и описании техники умерщвления, а также – на рассуждении автора об увиденном.

Согласно Гроссману, в Треблинке было убито не менее 3 миллионов человек. На протяжении тринадцати месяцев работала фабрика уничтожения, и каждый день к ней направлялись товарные поезда с обреченными, «в каждом эшелоне было шестьдесят вагонов, и на каждом вагоне мелом были написаны цифры 150 – 180 – 200. Эта цифра показывала количество людей, находящихся в вагоне»¹⁵.

Такой же эмоциональный эффект производит и рассказ о пепельной дороге, ведущей к лагерю. Весной 1943 г. (у Гроссмана – зимой 1942 г.) Гиммлер отдал приказ сжечь все трупы, захороненные в окрестностях лагеря. Однако пепел разлетался – и земля стала темно-серой.

Описывая последний путь смертников Треблинки, Гроссман вновь делает акцент на практичности нацистов. Чтобы конвейер не останавливался, те убеждали обреченных, что их привезли на работу. Потом – что им необходимо вымыться. Украшения, деньги и документы сдавались в так называемую камеру хранения. Ювелирные изделия впоследствии из лагеря переправлялись в Германию: золото и драгоценные камни всегда в цене. Документы уничтожались. Затем людей обривали, а из их волос, например, плели канаты и веревки. И только когда узники уже были раздеты и обриты, их выталкивали на дорогу, ведущую к газовой камере. Здесь им наконец открывалась правда.

На этой дороге обреченных встречали надзиратели. Некоторые были настолько жестоки, что назвать их людьми было бы, по мнению Гроссмана, неправильно. Одним из таких был некий Цэпфа: «Он специализировался по убийству детей. Обладая огромной силой, это существо внезапно выхватывало из толпы ребенка и, либо взмахнув им, как палицей, било его головой оземь, либо раздирало его пополам». Видевший много смертей и жестокости в Сталин-

¹⁴ Там же. С. 123.

¹⁵ Там же. С. 124.

граде, Гроссман признается: «Когда я слышал об этом существе, по-видимому рожденном от женщины, мне казались невысказанными и невероятными вещи, рассказанные о нем. Но когда я лично услышал от непосредственных свидетелей повторение этих рассказов, я увидел, что рассказывают они об этом, как об одной из деталей, не выделяющейся и не противоречащей общему строю треблинского ада, я поверил в возможность этого существа».

Однако не все палачи были всего лишь садистами – среди них находились и интеллектуалы. Один из руководителей комендатуры, Курт Франц, любивший натравливать свою немецкую овчарку на невольников, имел склонность к философствованию и часто рассуждал о пользе и назначении своей работы.

Здесь же Гроссман высказывает упрек по адресу «гуманнейших заступников гитлеризма» – и лично папы римского Пия XII:

Надо бы, чтобы в эти ужасные минуты у здания «газовни» появились и римский папа, и мистер Брейлсфорд, и все другие гуманнейшие заступники гитлеризма, появились бы, конечно, в качестве зрителей. Они бы смогли обогатить свои человеколюбивые проповеди, книги и статьи новыми аргументами¹⁶.

Споры о том, мог ли папа римский и был ли он обязан открыто осудить политику Гитлера, не утихают до сих пор (см., напр.: [Morley 1980, p. 8–17, 195–209; Ventresca 2013, p. 304–312; Kornberg 2015, p. 234–264]). У Гроссмана, по-видимому, сомнений не было – либо же не осталось после того, что он узнал о треблинском лагере смерти.

Цинически прагматичным было и отношение к покойникам. При строительстве дополнительных газовых камер немецкие инженеры учли недостатки наиболее ранних. Поэтому было решено увеличить в несколько раз их вместимость (цифры в очерке приводятся), а также сделать пол наклонным, чтобы трупы сами выпадали на вагонетки. Затем нацисты застреливали тех, кто был еще жив, а рабы Треблинки, оставленные в живых для выполнения самой страшной работы, «вырывали у лежавших в ожидании порезки убитых платиновые и золотые зубы»¹⁷.

И даже трупы в Треблинке-2 сжигали не только ради того, чтобы их уничтожить, но и для того, чтобы довести еще живых до крайнего ужаса:

Из партии выделяли женщин с детьми и вели их не к газовым ка-

¹⁶ См.: Гроссман В.С. Треблинский ад // Гроссман В.С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 132.

¹⁷ Гроссман В. Треблинский ад // Знамя. 1944. № 11. С. 136.

мерам, а к местам сожжения трупов. Обезумевших от ужаса матерей заставляли водить своих детей среди раскаленных колосников, на которых в пламени и дыму корежились тысячи мертвых тел, где трупы, словно ожив, метались и корчились, где у беременных покойниц лопались от жара животы, и умерщвленные до рождения дети горели на раскрытом чреве матери, – пишет Гроссман и заключает: «Данте не видел в своем аду таких картин»¹⁸.

В то же время Гроссман настаивает, что в этом страшном месте, помимо звериной жестокости, была и другая сила – сила человеческого достоинства. Гроссман рассказывает об узниках, которые бросались на надзирателей и убивали их, о тех, кто находился в рабском положении, но смог утаить при обыске оружие, чтобы потом поднять мятеж – а также о детях, которые утешали своих матерей, стоя на пороге газовой камеры. «Потрясают до глубины души, лишают сна и покоя рассказы о том, как живые треблинские мертвецы до последней минуты сохраняли не образ и подобие человека, а душу человеческую!»¹⁹ – восклицает автор.

«Треблинский ад», пожалуй, самый страшный очерк Гроссмана – и наиболее сильный в публицистическом отношении. По сути, именно здесь выражена основная мысль всей военной очеркистики Гроссмана:

Долг писателя рассказать страшную правду, гражданский долг читателя узнать ее. Всякий, кто отвернется, кто закроет глаза и пройдет мимо, оскорбит память погибших. Всякий, кто не узнает всей правды, так никогда и не поймет, с каким врагом, с каким чудовищем вступила в смертельную борьбу наша великая, наша святая Красная Армия²⁰.

Эта же мысль устранила на время наметившиеся в 1930-х гг. противоречия между свойственными Гроссману гуманистическими ценностями и реальной советской политикой.

Литература

- Бабиченко 1994 – *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. 172 с.
- Бирючин 2016 – *Бирючин С.В.* Художественная функция документа в диалогии В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 259 с.
- Бит-Юнан 2019 – *Бит-Юнан Ю.Г.* Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г. в

¹⁸ Там же. С. 138.

¹⁹ Там же. С. 132.

²⁰ Там же. С. 138.

- газете «Известия» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 98–108.
- Бит-Юнан 2021 – *Бит-Юнан Ю.Г.* Военная публицистика В.С. Гроссмана на страницах газеты «Красная звезда» (март 1942 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. С. 31–42.
- Бочаров 1970 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970. 304 с.
- Бочаров 1989 – *Бочаров А.Г.* Записные книжки Василия Гроссмана // Гроссман В.С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 457–460.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим: [Б. и.], 1994. 253 с.
- Кермиш 1991 – *Кермиш И.* Из истории рукописей «Черной книги» // Черная книга / Сост. В.С. Гроссман, И.Г. Эренбург. Киев: Обериг, 1991. С. XIII–XXII.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.
- Михайлов 1960 – *Михайлов О.Н.* О некоторых традициях Льва Толстого // Знамя. 1960. № 11. С. 191–202.
- Фрезинский 2008 – *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. 668 с.
- Щелокова 2016 – *Щелокова Л.И.* Истоки героического характера (на материале газетных публикаций 1941–1945 гг. Василия Гроссмана) // Гроссмановский сборник. Наследие современного классика (Grossman studies. The Legacy of a contemporary classic). Милан: EDU Catt, 2016. С. 299–318.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un écrivain de combat. Paris: Éd. du Seuil, cop. 2012. 873 p.
- Beevor 2006 – *Beevor A.* Writer at War: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Ed. and transl. by A. Beevor and L. Vinogradova. London: Pimlico, 2006. 378 p.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 239 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
- Garrard, Garrard 2007 – *Garrard J., Garrard C.* Finalmente libero: Vasilij Grossman e la battaglia di Stalingrado // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo. Torino: Rubbettino, 2007. P. 69–88.
- Kornberg 2015 – *Kornberg J.* The Pope's dilemma: Pius XII faces atrocities and genocide in the Second World War. Toronto [etc.]: University of Toronto Press, cop., 2015. 405 p.
- Morley 1980 – *Morley John F.* Vatican diplomacy and the Jews during the Holocaust, 1939–1943. N. Y.: Ktav publ. house, 1980. 327 p.
- Popoff 2019 – *Popoff A.* Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven; London:

Yale University Press, cop. 2019. 395 p.

- Ventresca 2013 – *Ventresca Robert A. Soldier of Christ: the life of Pope Pius XII.* Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2013. 405 p.
- Zgustova 2011 – *Zgustova M. La ricezione di Grossman ieri e oggi // L'umano nell'uomo: Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne.* Torino: Rubbettino, 2011. P. 167–176.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassili Grossman: Un écrivain de combat* [Vasily Grossman: a writer of war], Éd. du Seuil cop, Paris, France.
- Babichenko, D.L (1994), *Pisateli I tsenzory: Sovetskaya literature 1940-kh pod politicheskim kontrolem TsK* [Writers and censors, Soviet literature of the 1940s under the Central Committee political control], Rossiya molodaeva, Moscow, Russia.
- Beever, A. (2006), *Writer at war, Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945*, Beever, A. and Vinogradova, L. (eds. and transl.), Pimlico, London, UK, 378 p.
- Birychin, S.V. (2016), *The artistic function of a document in V. Grossman's dilogy "Life and Fate"* Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Bit-Yunan, Yu.G. (2019), "V. Grossman's articles on the Second World War in the 'Izvestiya', 1941", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 98–108.
- Bit-Yunan, Yu.G. (2021), "V. Grossman's war reports in the 'Krasnaya zvezda' newspaper (March 1942)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 31–42.
- Bocharov, A.G. (1970), *Vasily Grossman. Kritiko-bibliograficheskiy ocherk* [Vassily Grossman. Essays on his life and work], Sovetskii Pisatel', Moscow, USSR.
- Bocharov, A.G. (1989), "V. Grossman's War Diaries", Grossman, V.S. *Gody voyny* [Years of war], Pravda, Moscow, USSR, pp. 457–460.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasily Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii Pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vasily Grossman*, Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vasilij Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Frezinskii, B.Ya. (2008), *Pisateli i sovetskie vozhd. Izbrannye syuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet Leaders, Selected stories of 1919-1960], Ellis-Lak, Moscow, Russia.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Garrard, J. and Garrard, C. (2007), "Free at Last. Vasily Grossman and the Battle of Stalingrad", *Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 69–88.
- Kermish, I (1991), "From the history of the 'Black Book' manuscripts", V. Grossman,

- I. Ehrenburg (eds., compil.), *The Black Book* [Chernaya Kniga], Oberig, Kiev, Ukraine, pp. XIII–XXII.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoy kritiki* [Vasily Grossman's legacy in the literary criticism context], Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, Moscow, Russia, 211 p.
- Kornberg, J. (2015), *The Pope's dilemma: Pius XII faces atrocities and genocide in the Second World War*, University of Toronto Press cop., Toronto, Canada.
- Mikhailov, O.N. (1960), "On some of Leo Tolstoy's Traditions", *Znamya*, no. 11, pp. 191–202.
- Morley, J.F. (1980), *Vatican diplomacy and the Jews during the Holocaust, 1939–1943*, Ktav publ. house, New York, USA.
- Popoff, A. (2019), *Vasily Grossman and the Soviet Century*, Yale University Press, cop, New Haven, London, UK.
- Shchelokova, L.I. (2016), "The origins of the heroic character (on materials of Vasily Grossman's newspaper publications 1941–1945)", *Grossman studies. The Legacy of a contemporary classic*, EDU Catt, Milan, Italy, pp. 299–318.
- Ventresca, R.A. (2013), *Soldier of Christ: the life of Pope Pius XII*. Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Mass.; London, UK.
- Zgustova, M. (2011), "The Reception of Grossman Yesterday and Today", *L'umano nell'uomo: Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne* [The Human in Humans: Vasily Grossman between the ideologies and eternal questions], Rubbettino, Turin, Italy, pp. 167–176.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; bld. 82, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com